

Гу Тяньюэ даже не подозревал, что Су Хэ уже начал подозревать неладное с теми блюдами, которые он для него так тщательно готовил.

Управляющий, который до этого так усердно заботился о будущей хозяйке, поделился с Гу Тяньюэ одной новостью: Су Хэ внезапно перестал притрагиваться к вину. Это известие на какое-то время вогнало Гу Тяньюэ в уныние. Ведь ему удалось украсть тот поцелуй лишь потому, что в тот день Су Хэ был пьян!

Столкнувшись с таким положением дел, Гу Тяньюэ даже не постеснялся достать из тайников императорского дворца выдержанное вино, чтобы соблазнить Су Хэ. К сожалению, сколько бы ни ставил он перед Су Хэ ароматного вина пяти- или шестивековой выдержки, тот наотрез отказывался пить.

Его Высочество Регент продолжал хмурить брови и ломать голову. Когда о чём-то страстно мечтаешь, то, пока ещё держишься, с этим можно справиться, но стоит хоть раз вкусить этот нектар, как желание завладеть им вновь становится лишь сильнее, требуя повторения снова и снова. Точно так же дело обстояло и с прекрасным нефритовым камнем, добытым из диких горных пород, чьё ослепительное сияние поражает воображение. Точно так же дела обстояли и с Су Хэ!

В конце концов, перебрав бесчисленные способы завоевать поцелуй любимого человека, Регент был вынужден прибегнуть к худшему из худших средств.

Раз уж Су Хэ не собирается пить вино, значит, нужно выпить что-то, что на вино похоже!

Гу Тяньюэ наложил пиалы с рисовыми шариками в вине и поставил перед Су Хэ, улыбнувшись:

— Этот вкус неплох, попробуй?

Если приглядеться, можно было заметить, что уголки его губ изогнулись точь-в-точь как у кота, который приметил рыбу и замышляет недоброе.

—... — Белоснежные и полупрозрачные рисовые шарики выглядели прелестно, и трудно было сказать, из чего именно они были приготовлены. Однако исходивший из пиалы винный аромат был столь густым, что не замечать его тоже было нельзя. Судя по ценности этого блюда, простолюдинам оно было явно не по карману. Тем не менее Су Хэ молча смотрел на рисовые шарики в вине: хотя он абсолютно не разбирался в кулинарии, он был уверен, что пропорции вина и воды в этой миске явно нарушены.

Су Хэ поднял голову и бросил взгляд на Гу Тяньюэ, который смотрел на него с ожиданием. Каких бы замыслов тот ни таил, отказываться нужно было решительно, поэтому он сурово произнёс:

— Я не люблю такое.

— Тогда... съешь что-нибудь другое, — разочарованно протянул Гу Тяньюэ, однако на его лице

не отразилось никаких лишних эмоций.

Управляющий, зная всю подоплёку происходящего, скривился так, будто его сердце разрывалось от боли. Ведь это же было вино Тысяча ли, специально доставленное из удельного владения! Ладно бы князь просто использовал его для готовки, но... но его ведь даже не выпили!

Редчайших вин в мире всегда было совсем немного, а порой существовал и вовсе единственный кувшин, после опустошения которого добавки не предвиделось. Эту Тысячу ли Гу Тяньюэ некогда добыл случайно во время странствий по свету, а заполучив, хранил дома как зеницу ока, не решаясь расходовать попусту. И вот теперь, когда настал подходящий момент, вино так и не пригодилось — скольких же трудов и сожалений стоила такая расточительность.

Ужин подошёл к концу, и план Гу Тяньюэ в отношении Су Хэ потерпел сокрушительное поражение.

С замирающим от боли в сердце видом управляющий велел слугам убрать со стола. В следующий раз, когда у князя возникнут столь оригинальные идеи по завоеванию красавца, пожалуй, ему лучше не стоять рядом. Иначе от подобных выходок князя, готового выложить тысячу золотых ради единого опьянения возлюбленного, у посторонних людей просто сердце в пятки уйдет.

Раньше Гу Тяньюэ хотел увидеть Су Хэ, обнять его, да ещё и поцеловать. Первые два пункта удались, но вот последний...

Гу Тяньюэ неотступно следовал за Су Хэ в его комнату, не желая сдаваться.

Сад Сянхай изначально готовился для будущей княгини, и хотя управляющий Гу вовремя заменил обстановку в покоях после заселения Су Хэ, кое-какие следы всё же оставались. Подсвечник на столе был выполнен в форме цветка жасмина, на месте книжной шкафа раньше стоял туалетный столик, а на ширме красовались играющие в воде утки-мандаринки.

Когда Су Хэ жил один, ему было всё равно, но теперь, когда они вошли в эту комнату вместе, Су Хэ невольно вспомнил о первоначальном предназначении этих покоев, и в уголках его глаз отчаянно зашевелились нервы.

Обернувшись на непрошеного гостя, Су Хэ неприязненно бросил:

— У тебя ещё что-то есть?

Такой отказ напомнил Гу Тяньюэ о той ночи, о которой ему со всеми подробностями доложил управляющий, — о первой ночи Су Хэ в бегах от него. Тогда он стоял перед этой дверью и по едва слышному, но опасливому дыханию, доносившемуся из комнаты, понял, что тот не спит.

Сначала им овладела ярость, и он уже собирался выломать дверь. Разве статус Гу Тяньюэ когда-либо позволял ему оставаться без желаемого? Стоило ли проявить толику властности и взять то, чего так страстно хочется, но не удастся получить по-хорошему? Однако, осознав, что Су Хэ бодрствует, Гу Тяньюэ лишь тихонько улыбнулся, подумав, что вместо этого куда интереснее поиграть с ним в кошки-мышки. Разлука длилась уже несколько дней, интересно, скучал ли тот по нему?

Эта ночь была обречена на бессонницу, так с чего бы позволять тебе спать спокойно?

Перед ним был любимый человек, и Гу Тяньюэ твердо решил втянуть его в эту игру во что бы то ни стало. На его губах заиграла улыбка:

— Только что поужинал, зашёл к тебе испить чашечку чаю, ты же не окажешься настолько прижимистым, чтобы отказать? Ой, это твоя недавняя картина?

Вспомнив, что днем он чересчур настойчиво допытывался до Су Хэ, а на саму живопись так и не взглянул, Гу Тяньюэ подошел к письменному столу и поднял лист бумаги:

— Ты мастерски владеешь кистью, но я редко вижу, чтобы ты рисовал.

Су Хэ моргнул, припомнил, что было изображено на бумаге, и в лице его слегка переменялось. Он тут же шагнул вперед, пытаясь выхватить рисунок обратно. Если Гу Тяньюэ разглядит сюжет, разве не раскроются все его сокровенные чувства?

Заметив попытку Су Хэ вернуть картину, Гу Тяньюэ покачал головой с легкой усмешкой:

— Что там нарисовано? До чего же жадный, даже посмотреть не дашь?

С усилием подавив смущение, Су Хэ выдавил:

— Ничего... Импровизация, не стоящая внимания. Разве ты не хотел чаю? Погоди немного, я заварю.

Гу Тяньюэ приподнял брови, не выражая ни согласия, ни возражения.

Су Хэ тоже умел разбираться в чайном деле, к тому же в прошлом ему довелось побыть слугой у Гу Тяньюэ и ему часто приходилось заваривать чай, так что мастерство чаепития у него было в крови.

Большинство любителей чая считались людьми утонченными, и в народе издавна повелось ставить утонченных мужей в один ряд с чайным искусством. Стоит лишь взглянуть на то, как свободный от забот мастер заваривает себе чашку чая, как его отрешенное от мирской суеты благородство начинает манить сердца. Впрочем, чтобы прослыть утонченным мужем, умения заваривать чай было недостаточно — требовались еще литературный талант, изящные манеры, безупречная внешность и безукоризненная мораль.

Гу Тяньюэ любовался каждым движением Су Хэ, заваривавшего чай, и это доставляло ему истинное эстетическое наслаждение. Тонкие белые пальцы держали чайник, бирюзовая струйка воды медленно текла из носика, наполняя изящную белоснежную фарфоровую чашку. Су Хэ сидел вполборота, длинные пряди волос спадали ему на грудь, лицо было сосредоточенным, а тусклый свет свечи отбрасывал быстрые тени на его кожу при каждом моргании. Гу Тяньюэ даже заподозрил, не померещилось ли ему мимолетное выражение нежности на лице Су Хэ.

Наконец чай был готов. По чашке на брата. Протянув руку, Су Хэ произнес чистым, звонким голосом:

— Прошу отведасть чаю.

Опомнившись, Гу Тяньюэ взял чашку одной рукой, но не спешил пить, лишь поигрывая ею в пальцах.

Су Хэ удивился такому поведению: только что сам просил чаю, а теперь получил его и не пьет — к чему это? Ощувив собственную жажду, он решил оставить Гу Тяньюэ в покое, поднес к губам свою чашку и сделал глоток.

Чай всегда пьют маленькими глотками, это называется дегустацией, иначе получается просто хлебать как скот. Сделав всего один глоток, Су Хэ поставил чашку обратно. И тут Гу Тяньюэ, проявив молниеносную реакцию, в мгновение ока перехватил ту чашку, из которой пил Су Хэ, и осушил ее до дна одним махом.

Су Хэ остолбенел от столь неожиданного выпада. Лишь когда Гу Тяньюэ с улыбкой опустил пустую чашку, до него дошло: Гу Тяньюэ только что выпил из его чашки! Даже при всем старании сдержать смущение лицо Су Хэ тут же вспыхнуло, и он гневно бросил:

— Чего ты в конце концов добиваешься?

Гу Тяньюэ, явно не насытившийся моментом, с дьявольской усмешкой облизал губы и протянул:

— Пью чай.

Су Хэ зыркнул на него:

— Так пей чай из своей чашки.

— Но в твоей чашке он уже закончился, а моя чашка, к счастью, нетронута — не хочешь ли испить из нее? — с ангельским видом предложил Гу Тяньюэ, пододвигая свою чашку к Су Хэ.

—... — Су Хэ перевел взгляд на стоявшую перед ним чашку. Он мог биться об заклад: стоит ему сделать хоть глоток, как Гу Тяньюэ снова выхватит ее и осушит до последней капли.

— Чего ты добиваешься на самом деле? — снова повторил он.

Гу Тяньюэ откровенно признался:

— Я очень хочу сделать кое-что, но боюсь, что после этого ты разозлишься еще сильнее.

Су Хэ настороженно покосился на него:

— И что же ты хочешь сделать?

Гу Тяньюэ изогнул губы в улыбке:

— Выходит, сейчас ты злиться не будешь?

Сквозь зубы процедил Су Хэ:

— Я уже злюсь.

— Значит, сильнее уже не разозлишься! — едва договорив, Гу Тяньюэ резко подался вперед и впился в губы Су Хэ.

Вкус оказался точь-в-точь как в воспоминаниях: мягкий, сладкий и ароматный. Прищурившись, Гу Тяньюэ, не боясь гнева перепуганного и разъяренного Су Хэ, наглеца ради, еще раз провел языком по его губам.

Су Хэ почувствовал, что от происходящего у него перехватывает дыхание, и инстинктивно приоткрыл рот, однако прежде чем он успел глубоко вдохнуть, Гу Тяньюэ безжалостно пошел на штурм.

Гу Тяньюэ и не рассчитывал, что ему перепадет еще и такое лакомство. Одной рукой он крепко зажал подбородок Су Хэ, наотрез отказываясь позволить тому сбежать. Его язык медленно разжал чужие зубы, проникая внутрь — там всё еще таился слабый аромат чая. Он дразнил язык Су Хэ, сплетаясь с ним в танце, кружа и посасывая.

Су Хэ казалось, что на этот раз он действительно задохнется. Лишь когда Гу Тяньюэ наконец отпустил его, к нему вернулась способность дышать. В голове всё еще стоял туман, как вдруг он услышал голос Гу Тяньюэ:

— Ты же знал, что я люблю тебя. Но я вечно вижу тебя рядом и не могу вкусить желанного — нужно же утешить меня хоть какой-то сладостью.

В глазах Су Хэ постепенно прояснялось, он уже собирался метнуть в обидчика испепеляющий взгляд, но Гу Тяньюэ оказался проворнее и одним движением пальца нажал на его точку сна. Погружаясь в темноту, он услышал низкий, хриплый голос Гу Тяньюэ:

— Я знаю, что этой ночью тебе не уснуть, так пусть твой сон будет крепким!

—... — Боевые искусства такой невероятной силы — это просто против всех правил!

Именно это подумал Су Хэ, прежде чем окончательно погрузиться во тьму.

Подхватив падающее тело Су Хэ, Гу Тяньюэ задержал взгляд на его припухших покрасневших губах. В его глазах мелькнула темная искра. Бережно подхватив Су Хэ на руки, он аккуратно уложил его на кровать. Наклонившись, он еще разок помучил губы Су Хэ и лишь после этого удалился с чувством глубокого удовлетворения.

Су Хэ наконец-то по-настоящему разглядел истинное лицо Гу Тяньюэ: тот был не только бессовестным и властным, но еще и знатным хулиганом. Су Хэ горько сожалел: стоило раскусить его раньше, еще тогда, когда Гу Тяньюэ лапал его со всех сторон, толком даже не разглядев его лица...

<http://bllate.org/book/21160/2144502>